

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИИ

**ДЖЕКПОТ
ДЛЯ ЛОХА**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Компьютерный дизайн обложки *Яны Половцевой*

Корецкий, Данил Аркадьевич.

К66 Джекпот для лоха : [роман] / Данил Корецкий. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 384 с. — (Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-090218-7

Лихие девяностые, приватизация госсобственности, коммерсанты похожие на бандитов, бандиты с устремлениями ко,ммерсантов, «разборки», перестрелки, а в центре этого круговорота скромный, забытый жизнью инженер Говоров, вынужденный работать дворником и в силу стечения обстоятельств оказавшийся важной фигурой в процессе приватизации крупного завода. Сможет ли он преодолеть окружавшие его опасности? Сумеет ли воспользоваться выигрышем, который подбросила ему судьба?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090218-7

© Д.А. Корецкий, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Глава 1

Мечты и реальность

Он мчался по Английской набережной в открытом красном «Порше» — вдоль ровного ряда пальм, бесконечной череды маленьких уличных ресторанчиков, толп беспечных отдыхающих, мимо знаменитого, выполненного в мавританском стиле отеля «Негреско». Ласковый теплый ветер щекотал щеку длинными волосами сидящей рядом блондинки. Девушка отвернулась, любуясь голубым, в солнечных бликах морем, и он не мог рассмотреть лица — то ли это Памела Андерсон, то ли невероятно похорошевшая Верка Тюринна. Сейчас она повернется, и он все узнает, только пусть стихнет этот противный дребезжащий звук... Но противный звон не стихал, а усиливался, перекрывая ровный гул мощного мотора, и как только он стал сильнее, все исчезло: и Ницца, и «Порше», и блондинка.

Андрей Говоров открыл глаза. В комнате было почти темно, допотопный будильник, захлебываясь, едва не подпрыгивал на своих нелепых ножках. Андрей вздохнул, сел на диване и прихлопнул его, как надо-

едливое насекомое. Черт, не дал досмотреть такой чудесный сон! Все, как в его любимом фильме — «Великолепный»... Там Бельмондо тоже разрывался между чудесным миром вымысла и убогой реальностью. Интересно, кто же сидел рядом с ним? Но интерес улетучивался вместе с остатками сна. Организм перестраивался на реальность.

Половина восьмого. Говоров встал, подошел к окну, отдернул полосатую штору. Вид из окна был мрачный, осенне-депрессивный. Хмурое, морозящее утро, обшарпанный фасад дома напротив, переполненные мусорные баки. По небу плывут тяжелые дождевые тучи, на разбитом асфальте слоями лежат грязные желтые листья. В такое утро многие вешаются...

Несколько минут он стоял, переступая босыми ногами на холодном полу и ежась. Батареи еще не включили. Кожа покрылась пупырышками. В детстве он всегда радовался красиво падающим желтым листьям, юношей любил песню «Листья желтые над городом кружатся, с тихим шорохом к нам под ноги ложатся...».

Теперь, в неполные тридцать, Андрей искренне ненавидел листопад. Такова участь «дворянина»... Вешаться он пока не собирался, но и выходить из дому совершенно не хотелось. Хотелось забраться обратно под одеяло и проспаться до полудня, а потом встать, выбрать в давно не модном книжном шкафу что-нибудь подходящее настроению, снова вернуться в постель, включить бра и лежать, читать в круге теплого света... Но позволить себе делать то, что хочется, могут только очень богатые и могущественные люди. И то не всегда.

Он осмотрелся. Старая мебель, древние, кое-где отклеивающиеся обои, допотопная радиоаппаратура: телевизор «Рекорд 716Д», радиоприемник ВЭФ, проигрыватель «Радиотехника», магнитофон «Весна»... Но все в полном порядке и прекрасно работает — ведь он же классный электроинженер! И книг у него много!

«Я снова поднимаюсь по тревоге, и снова в бой, такой, что пулям тесно!..» — попытался он взбодрить себя давно устаревшей бравурной песней, но особого успеха не добился и прибегнул к другому способу.

«А за работу в выходной — двойная оплата...» — житейская истина оказалась сильнее революционной романтики. Валяться в постели расхотелось.

Он прошел в кухню, поставил на плиту синий эмалированный чайник, зашел в крохотный совмещенный санузел. Сидячая ванна с потрескавшейся эмалью, покосившийся унитаз, крашенные тусклой масляной краской стены... Пена для бритья кончилась неделю назад, а новую он так и не купил. Кое-как намылил щеки ядовито-зеленым «Хвойным» мылом и взял в руки одноразовый «Жиллет», которым брился уже неделю. Каждый день. Когда-то давно отец сказал: запомни, сынок, небритый — все равно что грязный. У маленького Андрюши щетина тогда не росла, но слова врезались в память. По крайней мере, ежедневным бритьем отец мог гордиться.

Говоров со скрипом провел в скудной мыльной пене чистую дорожку, расцветившуюся красными полосками порезов. Да, одноразовая — это когда

один раз. В зеркале отражалось худошавое лицо без каких-либо изъянов, но и без особых красотостей: высокий лоб, чуть изогнутые брови, широко расставленные серые глаза, ровный прямой нос, крепко сжатые губы, округлый подбородок — не широкий квадратный, выражающий силу характера, но и не узкий острый, отражающий безволие. Короче, самое обычное, ничем не примечательное лицо тридцатилетнего мужчины.

Чайник давно кипел, струя пара била в стоящие пузырьем обои. Хорошо бы купить электрический, с автоматическим отключением. Говоров залил кипятком пакет лапши быстрого приготовления и комковатый быстрорастворимый кофе. И то и другое усердно рекламировали по всем телевизионным каналам. Но в лапше не было вкуса, а кофе отдавал запахом горелой изоляции. Впрочем, он привык к такой еде.

Ровно в восемь Говоров вышел из квартиры. В подъезде привычно пахло кошками и плесенью. Скрипящая дверь не закрывалась. На улице было мокро и холодно. Промозглый ветер легко пронизывал плащевую ткань и тонкую подкладку. Говоров поднял воротник и застегнул пуговицу под горлом. Убитый «жигуленок» цвета коррида со спущенными колесами печально смотрел на хозяина парой фар, но тот прошел мимо и направился к автобусной остановке, хотя и подумал, что если поменять стартер, то можно сэкономить на билетах. Впрочем, бензин быстро сожрет эту экономию. И еще подумал, что надо хотя бы поставить машину на кирпичи.

* * *

Проходная «Сельхозмаша» являла классический образец промышленного социалистического зодчества: колонны, «рабочая» лепнина на фасаде — шестеренка, комбайн, колосья и два ордена.

К проходной Андрей подошел в девять утра. В рабочий день приезжал к семи. Пашка Колотунчик говорил, что напрягать человека на пахоту с семи утра — это не что иное, как истязание, совершенное с особым цинизмом, колотунчик, бляха-муха... В субботу, законный выходной, никто с особым цинизмом не напрягал. Главное было прийти и отработать восемь часов.

Андрей вошел в проходную, достал из кармана пропуск — запаянную в пластик карточку с фотографией и электронным чипом. Пропуск нужно было сначала предъявить охраннику в стеклянной коробке, а потом в маленькой серой коробке на стойке. Коробка, в отличие от толстого полусонного охранника, никогда не бывала заспанной или с бодуна и обладала прекрасной «памятью» — она помнила, кто и когда пришел на завод, кто и когда ушел. Но Говоров всегда вовремя приходил и уходил, а в промежутке старательно работал.

Вот и сейчас он добросовестно мел площадку. Тяжелые, намокшие листья прилипали к асфальту. Метла шепелявила, бормотала: ширк-ширк...

Подошел Колотунчик, остановился рядом, обдал перегаром.

— Вкалываешь?

Интересно, он сам понимает, что это дурацкий вопрос?

— Нет, Пал Андреич, это я для души.

— Слышь, Говор, Матвейч сейчас позвонил. Сказал, чтобы мы, значит, языком вылизали всю площадь.

— А чего ее лизать?

— А завтра из Москвы какие-то вивесторы приезжают, или как их там... Во колотунчики какие!

— Ладно. Языком я, конечно, ничего лизать не буду, но вымету начисто.

Паша неодобрительно покрутил головой.

— Гордый ты, Говор... Так нельзя...

— Почему это в нашей замечательной стране нельзя быть гордым?

Колотунчик втянул голову в плечи и огляделся.

— Ты это, намеки свои заканчивай... Гордым можно начальникам быть да богатеям всяким. А простому человеку нельзя. Иначе всю жизнь будет колотунчики получать.

— Это где ж такое написано? — с интересом спросил Говоров. — В Конституции?

Паша досадливо махнул рукой.

— Да ну тебя! Договоришься... Короче, Матвейч велел и завтра выйти. За ночь-то опять насыплет. Не снега, так листьев.

— Ладно, выйдем. За двойную-то ставку чего ж не выйти? Да ты не бойся, я молчу... Встретим твоих «вивесторов» как положено!

Говоров подмигнул Колотунчику и продолжил свое «дворянское» занятие.

* * *

На стационарном посту ГАИ-ГИБДД, перекрывавшем Восточное шоссе на въезде в Тиходонск, было

спокойно. Дежурная смена несла службу в обычном режиме. Старший наряда капитан Кузнецов в высокой стеклянной будке меланхолично писал отчет за прошедшие сутки, поглядывая вниз, где младший лейтенант Свиридов и сержант Пяткин потрошили синюю фуру с кабардинскими номерами. Несмотря на многочисленные инструктажи и тренировки, оба не были готовы к нападению: один зачем-то залез в кабину, так что только ноги торчат, второй увлеченно перебирает документы — если черноволосый водила с напарником решат их грохнуть и, забрав оружие, скрыться, то успешно смогут это сделать. Тем более что сержант Воронин забился в сортир, вместо того чтобы с автоматом наизготовку страховать коллег, правильно выбрав безопасную линию огня.

Кузнецов тяжело вздохнул. В новейшие времена контрольные посты ГАИ превратились в средневековые замки на кишаших разбойниками дорогах. И нападают на них, и расстреливают, и сжигают... Если сам не отобьешься, никто тебе не поможет: не успеют. Только сфотографируют да трупы увезут. А эти олухи думают, что с ними такого не случится. Да и вообще они ни о чем не думают, только как бабки с дальнобойщиков содрать! Сейчас бы выдернуть Воронина из сортира, выстроить всех в ряд да надавать по мордасам, чтобы знали, как службу нести. Только сейчас это не модно, сейчас все живут дружно — начальники с подчиненными, ревизоры с проверяемыми, судьи с подсудимыми. Время такое: если бегаешь в стае — то и вой по-волчьи. Значит, надо сидеть и не рыпаться, а то разругаешься со всеми и сам в дураках окажешься. Захочешь быть чистеньким, а выйдет наоборот — сам

спалишься и окажешься по уши в говне... Ребята работают, как умеют, на общее благо. А нападать на них дальнбойщики и не думают. Зачем им нападать?

Проверка окончилась, фура поехала дальше. Свиридов и Пяткин удовлетворенно закурили, облокотившись на патрульную «пятерку» в боевой желто-синей раскраске. К ним присоединился, наконец, Воронин, ему тоже дали закурить... Стоят, болтают, смеются. Делать все равно нечего. Движение слабенькое: час пик, когда новые русские, воплотившие в жизнь мечту о загородном доме, разом рванут в свои офисы, наступит через час-полтора. И утром на них все равно ничего не заработаешь, да и вообще смена заканчивается, пора отдыхать. Недалеко от поста дороге перебежал лось — весна, у них самый гон начинается. Пяткин заорал, заулюлюкал, а Воронин даже автомат вскинул, приложился, будто стрелять собрался. А что, с дурака станется!

Асфальт был мокрым, кое-где виднелись начинающие подсыхать лужи: недавно сошел снег, слабое весеннее солнце только-только приподняло макушку над горизонтом. Пяткин зевнул, чуть не вывихнув челюсть, да так и замер с распахнутым ртом. На фоне бледного солнечного полукруга на пустой трассе показались три темных джипа, которые неслись, как болиды на гонках «Формулы-1». Сон как рукой сняло.

— Кирилл, смотри, — резво повернулся он к Свиридову, — вроде жирные карасики к нам спешат.

Офицер повернул голову и присвистнул.

— Глаза-то разуй. Твои карасики на двадцать кэмэ превышают, а эти под двести идут и ничего не боятся!

Так что это скорее шуки! Сбегай к старшому, спроси, проверить их или нет? И скажи, что я бы их тормозить не стал...

Топая по ступенькам тяжелыми ботинками, Пяткин вбежал в стеклянную будочку поста.

— Иван Иванович, гля, как гонят! Чего с ними делать? Свиридов не хочет связываться...

Угловатые черные «Гелендвагены» с наглухо затонированными стеклами, не снижая скорости, уже приближались к посту. Гудел, завихряясь, разрываемый тяжелым металлом воздух, широкие, раскаленные скоростью скаты высушивали асфальт, оставляя на несколько мгновений за собой светлые полосы. Миг — и дерзкие джипы совсем рядом. Если бы старший наряда надумал их остановить, то без автоматного огня это бы сделать не удалось. Правда, можно было поднять шипы системы принудительной остановки «Еж», но эффект был бы тот же самый: лопнувшие скаты и летящие в кювет консервные банки со свежим человеческим мясом.

Кузнецов скривился, как от зубной боли.

— И правильно, что не хочет. Ты на номера посмотри: московские, с нулями, флажками... А внутри, скорей всего, бандюки, по манерам видно! А у тебя автомат где?!

— Так вот, за спиной!

— А должен быть на груди, готовым к бою! Ты сам-то к бою готов?

— Так не война ведь...

Чух!

Чух!

Чух!

Три пушечных снаряда пронесли мимо, и звуковая волна заставила дребезжать стекла обзорной кабины. Кузнецов зачем-то надел фуражку и тут же вновь ее снял.

— Пусть лучше их лось какой-нибудь остановит...

Пяткин вернулся к своим коллегам и через несколько минут тормознул обшарпанный «Фольксваген», который на десять километров превысил скорость.

В первом из джипов, промелькнувших, как утренние призраки, мимо поста ГИБДД, водитель повернул голову к сидящему на переднем сиденье крупноголовому мужчине средних лет в неизменном темно-сером костюме, который, казалось, никогда не менялся. Но такое впечатление было обманчивым: Дмитрий Палыч отвечал за внутреннюю безопасность и отличался не только аккуратностью, но и практичностью, поэтому всегда покупал несколько одинаковых костюмов. Так же неизменны были свежая серая рубашка, чёрный галстук, безупречно повязанный узлом «Виндзор», и на ногах классические чёрные «оксфорды» без перфорации и всяких узоров.

— Палыч, видишь, нигде не останавливают! — с улыбкой бросил он. — Я уже заметил — чем наглее гонишь, тем лучше!

— Ты лучше на дорогу смотри, — оборвал водителя Палыч и пригладил волосы. Над висками у него были большие залысины.

— Твое дело доставить нас вовремя. А с гаишниками шутить не привыкай без особой нужды. Они, бывает, с омоновцами дежурят — полоснут из автомата, и привет родителям!

Палыч повернулся к трем мускулистым, коротко стриженным парням на заднем сиденье, похожим, как братья-близнецы. Они были в костюмах, хотя больше привыкли к камуфляжу. Цивильные двойки смотрелись на них, как фраки на гориллах.

— Помнишь, Паша, был такой случай?

Слово «случай» он произнес почему-то с ударением на последнем слоге. Лицо его при этом ничего не выражало.

— Да уж... — Паша на миг утратил невозмутимость, поежился и покрутил головой.

Палыч помедлил, достал черную коробочку рации «Кенвуд»:

— Третий, доложите обстановку.

— Второй, все штатно, — раздался из динамика чуть искаженный голос. — Позади нас чисто. Тут ребята анекдот рассказали — оборжались...

Палыч поморщился:

— Третий, маму твою, не засоряй эфир. Конец связи.

В первом и третьем джипе было тесно: по пять человек в каждом. На ночном тысячекилометровом пути даже приличный объем «Гелендвагенов» не делает такое путешествие комфортным. Все десятеро были похожи друг на друга, причем не родственным сходством — одеждой, прическами, выражением лиц, манерами и еще какими-то неуловимыми взгляду признаками, однозначно указывающими на то, что это питомцы одного инкубатора. Так похожи патроны в магазине готового к бою пистолета. А также «торпеды», «гладиаторы», «бойцы» — то есть пушечное мясо всех силовых конфликтов.

В средней машине было всего два пассажира, вольготно расположившихся сзади на мягких кожаных сиденьях, и вот они-то разительно отличались от остальных. И костюмы на них были подороже, и сидели более ловко, и говорили эти люди по-другому, и словарный запас у них был более богатым.

— Ну, Семен Борисович, считайте, приехали, — заметив промелькнувший указатель «ТИХОДОНСК 10 КМ», нейтрально произнес сидящий справа мужчина лет тридцати пяти, в светлом костюме и полосатом галстуке. Его телосложение выдавало бывшего спортсмена, поддерживающего себя в хорошей форме. Стрижка ежик, серые колючие глаза — он буквально излучал силу и уверенность, с первого взгляда было видно, что этот человек привык идти к цели самым коротким путем.

Однако острый как бритва, но умный и цепкий взгляд белесых глаз демонстрировал, что это отнюдь не простой «солдат» — в отличие от тех, кто мчался в головной и замыкающей машинах.

Так оно и было на самом деле. В свое время Олег Сергеевич Канаев, мастер спорта по самбо, как и многие спортсмены, подался в рэкет, уцелел в диких разборках, дорос до бригадира, затем вовремя смекнул, чем может завершиться такая карьера, и отошел от явного криминала. Создал частную охранную фирму, набрал силы и авторитета в легальном мире, но сохранил уважение и в криминальной сфере. В данный момент он работал в одном из филиалов московской финансово-промышленной группы «Консорциум», где его должность называлась предельно просто — «директор по развитию». Знающие

люди, конечно, хорошо понимали смысл этого эвфемизма.

— Тысячу километров за девять часов... Тяжеловато, — проворчал Храмцов. — Уже не по годам...

Семен Борисович — мужчина совершенно неопределенного возраста: на первый взгляд — сорок, сорок пять, но седая шевелюра, морщинистый лоб и глубокие носогубные складки прибавляли ему еще лет пятнадцать, не меньше. В отличие от Олега Сергеевича он умел прокладывать наиболее оптимальные маршруты и наверняка знал, что такое курвиметр¹.

— Мне надо самолетом... Или в эсвэ...

Мокрая лента шоссе ложилась под колеса, намазывая на спидометры джипов остаток тысячекилометрового пути. Время ожидания заканчивалось, наступало время действовать, Олег Сергеевич почувствовал выброс адреналина в кровь.

— Насколько я понял, с руководством завода уже разговаривали, — сказал он. — И как впечатление?

Семен Борисович пожал плечами.

— О впечатлениях будем судить по результату. Мы обозначили свой интерес, а периферия всегда заинтересована в инвестициях. Посмотрим... Как там по времени?

Олег Сергеевич посмотрел на свою «Омегу»:

— Все точно по плану.

— *Пока* по плану, — поправил опытный Храмцов.

За окнами замелькали вросшие в землю домишки социалистической поры и теснящие их богатые кот-

---

¹ *Курвиметр* — прибор для измерения на карте длины извилистого маршрута.